

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1867 года. № 6. Марта 15.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ О МЫТАРѢ И ФАРИСЕѢ.

Въ настоящемъ евангельскомъ чтеніи предложена была св. Церковію вашему вниманію, благослуш., притча о мытарѣ и фарисеѣ. Она была сказана Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ *уповающимъ собою яко суть праведницы и уничижающимъ прочихъ*, — сказана для разоблаченія постыднаго лицемѣрія и пустаго тщеславія. — Во всякое время для христіанина имѣть свое значеніе нравственное приложеніе этой притчи, а тѣмъ болѣе — въ дни, когда св. Церковь начинаетъ приготовлять насъ, бр., къ святому дѣлу спасительнаго покаянія, — такъ какъ въ основѣ покаянія ле-

жить внутреннее самоиспытание и живое нравственное самосознание. Определение и живое разграничение этих двух нравственных проявлений человеческого духа наглядно представлено Спасителемъ въ исторіи двухъ человѣкъ, пришедшихъ въ храмъ помолиться. Одинъ — фарисей, легко и поверхностно относясь къ своимъ нравственнымъ достоинствамъ, горделиво превозносится своими добродѣтелями, презрительно осуждаетъ тѣхъ, кои не имѣютъ его мнимыхъ совершенствъ, — и остается при своихъ грѣхахъ; другой — мытарь, проникнутый до глубины души внутреннимъ самосознаніемъ, съ смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, кающагося, исповѣдываетъ свои грѣхи, — и выходитъ изъ храма оправданнымъ. Это составляетъ содержание всей притчи.

Что же общаго можетъ быть между фарисеемъ и мытаремъ, существовавшими во время земной жизни Іисуса Христа и нами, послѣдователями Спасителя, носящими Его святое Имя, живущими немного не двѣ тысячи лѣтъ позже лицъ и обстоятельствъ, указанныхъ въ притчѣ? Поричать фарисея и оправдывать мытаря не будетъ ли съ нашей стороны напрасной тратой времени, и безполезнымъ словеснымъ состязаніемъ съ тѣмъ, что незворратно кануло въ бездну вѣчности? Нѣтъ, бл. слш. Слово Божіе вѣчно живо и дѣйствительно. То, что говорилъ Господь Іисусъ Христосъ своимъ современникамъ — слушателямъ, то относится и относится ко всемъ Его послѣдователямъ. Что обличалъ Онъ тогда, то обличаетъ пріемника и хра-

нительница Христова ученія—св. Церковь. Не существуетъ фарисей, какъ историческое лице, но существуетъ фарисей, какъ имя нарицательное, съ тѣмъ же нравственнымъ типомъ и характеромъ. Проходитъ уже другое тысячелѣтіе, а то, что было презрѣнно предъ очами Божиими въ Иерусалимскомъ фарисей, то самое презрѣнно и теперь и не предъ очами только Божиими, но и предъ очами человѣческими; такъ какъ Христовымъ ученіемъ гораздо больше разширилось и дополнилось ветхозавѣтное понятіе о добрѣ и нравственномъ подвигѣ. Слово фарисей послужило и теперь служить выраженіемъ пустаго лицемѣрія и суетнаго тщеславія. Фарисей въ наше время и между нами можетъ являться въ силу, именно, этого живучаго своего свойства, которое и нувѣковѣчило за нимъ его имя. Уяснимъ же себѣ черты современнаго фарисея, живущаго не по началамъ Ветхаго, но по началамъ Новаго Завѣта, принадлежащаго не къ обществу Іудейскому, но къ обществу Христіанскому, при этомъ не оставимъ безъ нравственнаго приложенія къ себѣ примѣра показаннаго намъ евангельскою притчею въ лицѣ мытаря.

По смыслу притчи лицемѣріе и гордость составляли отличительную и существенно-главную черту фарисея. Такъ онъ хвалится тѣмъ, что *якъ же прочи челоуцы, хищницы, неправедницы, прелюбодни, или яко же сей Мытарь. Поиуся, товорить онъ, двакраты въ субботу т. е. въ седмицу, десятину даю всего елика притяжу.* Здѣсь представлены черты лицемѣрія и гордости, какъ поро-

ковъ Прелігіозно-нравственныхъ. Это объясняется общимъ характеромъ іудейскаго общества: въбра, богослуженіе и жизнь прелігіозная были предметомъ всеобщаго вниманія; поэтому-то слова праведникъ и грѣшникъ имѣли живое значеніе въ обществѣ и ими опредѣлялся каждый человекъ. У насъ же въ общественномъ быту обращается вниманіе на то, что собственно относится къ людямъ этого быта. Іудей и въ общественной жизни былъ связанъ тѣсною своею религіозностію, или лучше сказать, общественныя понятія Іудея были тождествляемы и даже совершенно сглаживаемы религіозно-теократическими ево понятіями. Отъ насъ жизнь и наше призваніе требуетъ исполненія не однихъ религіозныхъ правилъ, но и правилъ гражданскихъ, общественныхъ. Мы всѣ будучи членами гражданскаго общества, въ то же время являемся и членами общества религіозно-Христіанскаго. Въ томъ-то и состоитъ великая нравственная заслуга человекъ нашего общества быть въ одно и то же время и хорошимъ гражданиномъ и добрымъ Христіаниномъ. Этимъ условливается то дружественное единеніе между религіею и жизнью, по которому одна не можетъ существовать безъ другой. Представляя такое отношеніе религіи къ общественной жизни, мы естественно прослѣдимъ современное фарисейство, не только какъ пагубное явленіе нашей духовно-нравственной природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ гибельное проявленіе нашей общественной жизни. Напередъ скажу, что

это задача весьма трудная. Нужно быть очень опытным, знающим и свѣтъ и людей, чтобы обстоятельно и живо изобразить современное фарисейство въ области религіи и жизни. Укажемъ на тѣ проявленія его, которыя болѣе бросаются въ глаза и которыя, при безпристрастномъ наблюдении, чаще можно замѣчать какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ. Эдва ли, бр., въ наше время найдется человекъ, который, явившись въ церковь, сталъ бы перечислять въ молитвѣ своей, обращенной къ Богу, свои добродѣтели, и въ ослѣпленномъ самозабвеніи выставлять себя человекомъ благочестивымъ, честнымъ, добродѣтельнымъ. Это было бы проявленіемъ наивнаго дѣтства, а не разумнаго Христіанскаго мужества и зрѣлости. У насъ и маленькіе дѣти хорошо понимаютъ, что хвалиться предъ Богомъ своими достоинствами, — есть пустое тщеславіе, что Богъ, какъ всевидящій Сердцевѣдецъ лучше насъ и прежде насъ самихъ знаетъ то, что добраго, или что худаго не только сдѣлали, но даже помыслили. Но зато не сплошь ли и рядомъ мы видимъ людей, которые поддаваясь неизвинительному самообольщенію по отношенію къ исполненію ими своихъ христіанскихъ обязанностей, не чувствуютъ, что въ нихъ много кое-чего не достаетъ для имени добраго христіанина, что они въ нравственномъ отношеніи до крайности бѣдны и жалки. Если хорошенько всмотрѣться въ самихъ себя, то не окажется ли, что мы недостойно носимъ Имя Христа, считаемся по виду, принадлежащими

обществу Христіанскому, уродливо рисуемъ мнимо религіозно-нравственными понятіями и правилами жизни. Разсмотримъ это подробнѣе. Область всей религіозно-нравственной нашей жизни, при всемъ разнообразіи ея проявленій, сводится къ тремъ основнымъ Христіанскимъ добродѣтелямъ: вѣрѣ, надеждѣ и любви. Въ осуществленіи этихъ трехъ добродѣтелей заключается вся наша жизнь и все наше спасеніе. *Нынѣ же, говоритъ Апостоль, пребываютъ въра, надежда и любви — три сѣя.*¹⁾ Но не будемъ ли вѣрнымъ обр., если скажемъ, что мы очень и очень мало сдѣлали по отношенію къ этимъ кореннымъ тремъ христіанскимъ добродѣтелямъ? Въ осуществленіи ихъ не являемся ли мы скорѣе подражателями фарисейскаго лицемѣрія и тщеславія, нежели истиннаго христіанскаго самосознанія? Къ прискорбію нужно сознаться, что это горькая правда! Мы не искренно относимся къ тому, что есть *уповаемыхъ*, по слову Апостола, *извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ.*²⁾ Мы слабымъ имѣемъ то чувство, къ которому возбуждаетъ Апостоль словами: *не отлагайте губо дерзновенія вашего, неже имать мздо-воздаянне велико.*³⁾ Мы не проявляемъ своей любви такою, какою изобразилъ ее Апостоль: *любви, говоритъ онъ, долготерпима, милосердствуетъ, любви не завидитъ: любви не превозносится, не гордится,*

¹⁾ 1 Кор. 13, 13.

²⁾ Евр. 11, 12.

³⁾ Евр. 10, 35.

не безмысленствует, не ищетъ своихъ члн, не раздражается, не думаетъ зла, не радуется по неправдѣ, радуется же о истинѣ, а вся олюбитъ, о всему вѣру имлетъ, вся уповаетъ, вся терпима.) Мы вѣруемъ въ Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, а между тѣмъ съ ребяческою легкомысленностію увлекаемся неосновательными и бездоказательными ученіями новѣйшихъ мудрецовъ, отщепенно снлящихся доказать естественное происхожденіе міра и побѣдъ естественное его существованіе, освобожденіе отъ промыслительнаго вліянія на міръ Первой Причины всего сущаго. Мы вѣруемъ въ вѣрныя страданія, смерть и воскресеніе Христа? Спасителя и въ то же время безцѣно относимся къ безцѣннымъ заслугамъ Богочеловѣка; вѣруемъ въ Церковь и ея св. Таинства и въ отношеніяхъ нашихъ къ ней не замѣтно ни глубины, ни силы, ни горячности чувства; вѣруемъ въ будущую жизнь (и съ безпечною небрежностію относимся къ ней. Словомъ: выражать вѣру на словахъ, а не на дѣлѣ, выражать вѣшно, а не внутренно, не значить ли подражать фарисею? Самымъ лучшимъ выраженіемъ Христіанской нашей добродѣтели надежды служитъ молитва. Но такъ ли мы совершаемъ ее какъ должно? Въмѣсто сосредоточенія своихъ мыслей и всей своей души на тѣхъ предметахъ и дѣйствіяхъ, которые нашему вниманію предлагаются св. Церковію, вмѣсто глубокаго про-

1) 1. Кор. 13, 4—8.

нижновенія ихъ священною важностію и высокимъ внутреннимъ ихъ значеніемъ, мы часто выражаемъ непростительное невниманіе и легкомысленную разсѣянность ко всему тому, что совершается предъ нами. Обращеніе нашего вниманія въ церкви на предметы и лица мірскіе, неумѣстные наши разговоры, наши улыбки, наши переходы съ одного мѣста на другое, съ пустыми, неоправдывающими нравственнаго нашего достоинства, цѣлями, — не будетъ ли такая молитва наша недостойнѣе и презрѣннѣе молитвы фарисея? Что же сказать о проявленіи въ насъ третьей добродѣтели Христіанской — любви? Такъ ли мы выражаемъ ее, какъ должно? Больше ли всего на свѣтѣ мы любимъ Бога и истинную ли любовь питаемъ къ ближнимъ? Не лицемеримъ ли мы своею любовію къ Богу и ближнимъ? Есть ли въ душѣ нашей та любовь, о которой говоритъ Апостолъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Божья, скорбь ли или тѣснота, или гонение, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь?*¹⁾ По отношенію къ ближнимъ наша любовь *долго-терпитъ ли, милосердствуетъ ли, не завидитъ ли, не превозносится ли, не гордится ли, не раздражается ли, не мыслитъ ли зла, не радуется ли о неправдѣ?* Если мы лукавимъ и въ этой добродѣтели, если на видъ являемся такими, а на самомъ дѣлѣ остаемся иными, то не подражаемъ ли евангельскому фарисею? Объ немъ по внѣшнему его виду могли судить одни люди, въ сужденіи о немъ

---

¹⁾ Римл. 8, 39.

могли они ошибаться, но Сердцевѣдецъ Богъ произнесъ надъ нимъ праведный судъ, созерцая подъ внѣшними, мнимыми достоинствами нравственные его недостатки. Вообще, въ отношеніи религіозно-нравственной жизне-дѣятельности, люди нашего времени являются удивительно тонкими подражателями фарисейства. Такъ, чтобы сократить кругъ многостороннихъ обязанностей христіанскихъ они очень часто, по своему произволу, исключаютъ изъ этого круга то, что почему-либо имъ не нравится и ограничиваются только тѣмъ, что болѣе подходитъ подъ ихъ привычки и требованія. Имѣя руководительное начало жизни въ ученіи и правилахъ Евангелія, постановленіяхъ и средствахъ Церкви, образцахъ, совѣтахъ и завѣщаніяхъ людей, признанныхъ церковію за мужей святыхъ, люди нашего времени не прилагаютъ этого руководительнаго начала къ самой жизни. Оно остается у нихъ мертвой буквой или же дѣломъ не вполне обязательнымъ. Изъ всего круга этихъ религіозно-нравственныхъ правилъ они выполняютъ не многое, дѣлаютъ одно, а другаго не дѣлаютъ часто по произволу, либо по естественному расположенію, либо по случаю и обстоятельствамъ, но при этомъ не хотятъ даже допустить той мысли, что многое и многое они теряютъ чрезъ это въ религіозно-нравственной жизни. Нельзя сказать, чтобы подобное легкомысленное отношеніе къ обязанностямъ христіанскимъ было рѣдкое исключеніе. Это есть часто повторяющееся явленіе. Оно-то представляетъ бѣднымъ наше нравственное совершенство

и своею крайнею одно-сторонностію, суживаютъ наше нравственное развитіе, изубоживаютъ нашу нравственный характеръ. Въ такомъ случаѣ наша нравственная жизнь можетъ представить самыя рѣзкія противорѣчія. Являясь людьми безукоризненными, достойными одобренія въ одномъ, мы въ то же время заслужимъ осужденіе въ другомъ, рядомъ съ извѣстными достоинствами будутъ уживаться въ насъ самыя возмутительныя недостатки. Но религіозно-нравственное фарисейство наше не ограничивается фальшивымъ представленіемъ христіанскихъ нашихъ обязанностей. Оно горделиво возвышаетъ свою главу, услаждается мнимыми своими добродѣтелями, и презрительно относится къ чужимъ недостаткамъ. Зорки мы бываемъ въ этомъ состояніи къ недостаткамъ другихъ, но совершенно слѣпы къ недостаткамъ своимъ. Мы замѣчаемъ въ очахъ брата сучецъ, въ своихъ же не видимъ и бревна. Самыя обыкновенныя наши добродѣтели кажутся намъ великими нравственными подвигами. Поддавшись гибельному самоувѣнію мы тѣмъ самымъ преграждаемъ путь къ нравственному своему совершенству. Въ нашей духовной жизни произойдетъ тогда застой, а застой неизбѣжно рождаетъ порчу, ибо жизнь духовная требуетъ движенія, возрастанія, освѣженія, обновленія, какъ и жизнь тѣлеснаго организма. И тогда-то осуществится на самомъ дѣлѣ мысль мудрой пословицы: кто не дѣлаетъ шага впередъ, тотъ дѣлаетъ шагъ назадъ. Но пока будетъ тяготѣть надъ человекомъ эта обдѣленная слѣвота самоувѣнія, до того времени не

освободиться ему отъ своихъ недостатковъ, не исполниться отъ болѣзней нравственныхъ, какъ не исполниться больному отъ болѣзней физическихъ, которыя онъ скрываетъ предъ собою и другими. Не будемъ же бр., обманывать самихъ себя, своимъ самомнѣніемъ закрывать свои недостатки. Дурныя явленія въ нравственной жизни другихъ не должны возбуждать въ насъ чувства самодовольства, а больше помогать нашему самоиспытанію и самосознанію, которыя и раскроютъ наши собственныя недостатки если не въ томъ, то въ другомъ родѣ. Пользѣ въ нравственномъ отношеніи представлять себя недостойнымъ и грѣшникомъ, нежели обольщаться и успокоиваться на мнимой праведности. Первое можетъ пробудить въ насъ потребность нравственнаго исправленія, а второе можетъ подвергнуть наше внутреннее сознаніе — нашу совѣсть нравственному усыпленію.

Но какъ вся религіозно-нравственная наша жизнь, основываясь на внутреннихъ требованіяхъ нашей вѣрующей души, имѣетъ началомъ и цѣлю своею одну душу, то наши уклоненія въ области религіозно-нравственной, наше религіозное фарисейство падетъ всею своею тяжестію на нашу совѣсть, на нашу душу. Въ этомъ случаѣ мы являемся нищими, презрѣнными предъ очами Божиими, предъ судомъ Всевидящаго. Этимъ погубимъ себя не только для сей жизни, сколько для будущей. Осызательнѣе же ионагляднѣе для свѣта и людей представляется наше фарисейство житейское, бытовое, общественное. Въ существѣ дѣла оно есть

дальнѣйшее развитіе и практическое приложеніе фарисейства религіозно-нравственнаго къ жизни и ея проявленіямъ.

Чувство долга и чувство справедливости лежатъ въ основѣ всѣхъ нашихъ общественныхъ обязанностей. Ни одинъ гражданинъ общества, къ какому бы онъ разряду и сословію ни принадлежалъ, не свободенъ отъ нихъ. Онъ долженъ требовать исполненія ихъ отъ другихъ, но вмѣстѣ быть строгимъ блюстителемъ и въ самомъ себѣ. Мы истощаемъ много чувства и много словъ если дѣло касается этихъ гражданскихъ добродѣтелей. Мы гордимся ими, какъ явленіями свидѣтельствующими о совершенствѣ нашей жизни и нашихъ отношеній. А между тѣмъ не часто ли мы являемся на словахъ такими, а на дѣлѣ иными, говоримъ одно а дѣлаемъ другое?

Въ нашей жизни не случается ли встрѣчать примѣры фарисейскаго отношенія къ гражданскимъ добродѣтелямъ — долгу и справедливости? Первое и самое главное требованіе осуществленія — долга и справедливости есть забвеніе своей личности, удаленіе своекорыстныхъ цѣлей, всецѣлое посвященіе себя и своихъ трудовъ добру обществу. Но не часто ли личныя цѣли, личные расчеты заставляютъ нѣкоторыхъ изъ насъ видимымъ только образомъ служить долгу и справедливости, а не всецѣло и глубоко быть проникнутыми ими? Не часто ли являемся въ отношеніи къ этимъ гражданскимъ добродѣтелямъ и лицемѣрами и тщеславными мечтателями? Блюстители закона и правды, проникнитесь духомъ этого зако-

надъ до глубины души, творя судъ надъ поступками другихъ, вы безпристрастно творите судъ и надъ самими собою. Любители наукъ и образованія народнаго, тогда только вы будете истинными свѣтильниками для своего общества, а не ложными свѣточами, когда и словомъ и дѣломъ будете выражать служеніе одной неизмѣнной и вѣчной Истинѣ, когда священный даръ — свобода мыслей будетъ возвышать ваше духовно-нравственное достоинство, а не низводить въ общество духовъ отверженныхъ, которыхъ гордость и самопрельщеніе лишили первобытной чистоты и невинности. Вообще люди всѣхъ сословій и званій тогда только вы будете любезны Богу и людямъ, тогда только явитесь честными и добрыми гражданами, когда не внѣшне, но внутренно будете блюстителями гражданскихъ добродѣтелей, — такъ какъ благосостояніе общественное зависитъ вполнѣ и всецѣло отъ того насколько исполненіе главныхъ и основныхъ нашихъ общественныхъ добродѣтелей — долга и справедливости, есть не фарисейское исполненіе одной внѣшней буквы, а строгое храненіе духа, и внутренняго смысла закона. Въ общественныхъ нашихъ отношеніяхъ не являемся ли мы нарушителями того, чего требуемъ отъ другихъ, что презираемъ въ другихъ не дозволяемъ ли себѣ? Внутренно другимъ честность, трудолюбіе, безкорыстіе, не обезображиваемъ ли сами въ себѣ эти, какъ христіанскіе, такъ и гражданскіе добродѣтели? Допуская въ нашемъ обществѣ фарисейское лицемеріе по отношенію къ исполненію нашихъ обще-

ственныхъ обязанностей, мы не можемъ не замѣтить еще другой черты фарисейства общественнаго — это, выработавшееся до степени полного совершенства, наше житейское обыденное искусство презирать другихъ и уничивать ихъ. Наши домашніе пересуды, переговоры составляютъ какъ будто что-то законное и необходимое. Въ презрѣніи и униженіи другихъ многіе изъ насъ превосходили даже евангельскаго фарисея. Тотъ прямо высказалъ свой взглядъ на мытаря, а у насъ презрѣніе и униженіе выражается скрытыми путями, такъ что унижаемый не имѣетъ повода высказать свое униженіе.

Какое же нравственное приложеніе мы можемъ вывести для себя изъ примѣра указаннаго св. Церковію въ лицѣ мытаря? Съ перваго раза, благослуш., вы проникаетесь большимъ сочувствіемъ къ мытарю нежели къ горделивому и лицемерному фарисею. Горячесть его молитвы и прямота его души возвысили его смиреніе въ глазахъ Божіихъ. Онъ весь былъ проникнутъ сознаниемъ своего нравственнаго недостоинства. Онъ сознавалъ себя грѣшнымъ и это — то его сознание заставило его прійти въ церковь помолиться. Онъ не закрываетъ своихъ грѣховъ, напротивъ глубоко сокрушается о нихъ. Проникнутый сознаниемъ своей грѣховности онъ не смѣетъ возвести глазъ своихъ къ небу, не находитъ для себя другой молитвы, кромѣ покаяннаго воздыханія: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Ни на что не надѣется онъ, только на одно безпредѣльное милосердіе Божіе.

И надежда его не была тщетна, — онъ вышелъ изъ храма оправданнымъ, помилованнымъ. Такова сила истиннаго смиренія, сокрушенія въ нравственной жизни челоуѣка! Такою она будетъ въ жизни каждаго изъ насъ! Сама чадолюбивая мать — Церковь духъ мытаря признаетъ приснымъ, роднымъ для всѣхъ ея духовныхъ чадъ. Потому-то мытарева покаянія, мытаревыхъ воздыханій, мытаревыхъ слезъ она желаетъ, бл. слущ., ишетъ и проситъ для насъ у Бога. И дѣйствительно примѣръ мытаря для всѣхъ любимъ и отраденъ, но при полномъ сочувствіи къ нравственному расположенію мытаря подражаемъ ли мы ему въ жизни, духъ его всегда ли и всѣми ли нами усвоется? Скорое и легкое мытарево оправданіе не пробуждаетъ ли въ насъ пагубной безпечности и дерзновеннаго упованія на всесильную помощь и на безконечное милосердіе Его, не приводитъ ли насъ къ той мысли, что безъ всякаго нашего труда, мы можемъ достигнуть спасенія. Такъ мы знаемъ, что мытарь между самими мірянами былъ недостойный челоуѣкъ, занятый дѣлами по преимуществу, чуждыми религіозно-нравственной его жизни и даже противными требованіямъ его благочестія, и однакожь Богъ не потребовалъ отъ него ничего кромѣ молитвеннаго вздоха о своемъ недостоинствѣ. Не приводитъ ли это, слущ., насъ, обремененныхъ многочисленными обязанностями житейскими, къ той мысли, что отвѣтственность наша предъ Богомъ не слишкомъ большая, что находясь въ зависимости отъ условій и требованій общественныхъ мы

освобождаемся отъ исполненія всего того, что только ни предписывается св. Церковію и что различныя обязанности, налагаемыя ею на насъ есть какъ будто что-то произвольное со стороны насъ самихъ, а общественное наше положеніе, налагающая на насъ свои права, тѣмъ самымъ, будто бы, освобождаетъ насъ отъ отвѣтственности за малыя упражненія въ дѣлахъ духовныхъ. Можетъ ли подобное нравственное расположеніе, хотя сколько нибудь, приблизить насъ къ тому нравственному совершенству — цѣль котораго указана въ Словѣ Божіемъ? Возможно ли въ этомъ случаѣ какое-либо преуспѣваніе и нравственное наше обогащеніе? Поддавшись обольстительному самомнѣнію и произвольному самоограниченію своихъ обязанностей мы будемъ далеки отъ того духовнаго состоянія, которое такъ сильно можетъ благопріятствовать нашему нравственному совершенству. Въ этомъ случаѣ мы проявимъ не простодушное, искреннее и смиренное чувствованіе евангельскаго мытаря, а скорѣе безпечное самомнѣніе и преступное самообольщеніе, гораздо большее нежели какое замѣтно въ евангельскомъ фарисеѣ. Не желая молиться и заниматься дѣлами благочестія, не вычисляя своихъ заслугъ предъ Богомъ, мы дерзнемъ скорѣе самаго фарисея предъявлять свои права на вознагражденіе отъ Господа! Будемъ же помнить, что истинное мытарево смиреніе, служа источникомъ оправданія нашего въ грѣхахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ источникомъ возвышенія нашихъ добродѣтелей. Оно не препятствуетъ наше-

му нравственному развитію напротивъ возбуждаетъ къ нему. Скромно думаящій о своихъ достоинствахъ не успокоивается на томъ, чего онъ достигъ, но желаетъ чего-то другаго—лучшаго. Постоянное сознаніе нравственной бѣдности пробуждаетъ въ немъ потребность новой лучшей и лучшей дѣятельности. Это нравственное состояніе является единственно возможнымъ для привлеченія къ себѣ благодатной силы Божіей, такъ какъ освящающая сила благодати не иначе можетъ удѣляться намъ, какъ только тогда, когда мы будемъ искать ее, просить ее у Бога, слѣд., будемъ сознавать слабость собственныхъ силъ, ограниченность своихъ добродѣтелей. *Господь, говоритъ Слово Божіе, гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.*

Воспользуемся же, благ. слуш., уроками данными намъ отъ лица св. Церкви евангельскою притчею о мытарѣ и фарисеѣ, воспользуемся потому, что приближается время нашего внутреннего самоиспытанія и нравственного самосознанія. Скоро настанутъ дни, когда не только ясно и живо мы должны вспомнить прошедшіе свои грѣхи, но искренно и сердечно раскаяться въ нихъ. Съ этою-то собственно цѣлію св. Церковь предварила нашъ (предстоящій) подвигъ нравственного исправленія напоминаніемъ о губельности фарисейскаго лицемерія и превозношенія и многоплодности мытарева смиренія. **Аминь.**

А. Ел—ский.

О СТЕПЕНЯХЪ

СВЯЩЕНСТВА ВЪ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Окончаніе.)

II. Чѣмъ различались между собою три степени священства въ Церкви Апостольской?

Лютеране всего болѣе настаиваютъ на то, что находимыя нами въ Апостольской Церкви степени священноиерархической не различались наименованіями. Справедливо, что многія имена были у нихъ общія¹⁾, но были и такія, которыя каждой изъ этихъ степеней принадлежали исключительно. Итакъ три степени священства различались въ Апостольской церкви во первыхъ именами.

Такими именами у лицъ первой степени иерархической апостольскаго вѣка были:

1. Имя *Апостола*. Блаженный *Теодоритъ* увѣ-

4) Имена общія для апостольскихъ степеней священства были двоякаго рода: одни безразлично усвоились только двумъ первымъ степенямъ, а другія — всѣмъ тремъ. Перваго рода названія: епископа и пресвитера (*Chris. ost. Thom. in Philip. I. c. 1.*), священника (*Hieron. ep. XXVII.*), диакона, въ обширнѣйшемъ смыслѣ (*1 Кор. III 5. 1 Сол. III 2. Chris. loco supr. cit.*) и пр. къ именамъ послѣдняго рода можно относить названія слугъ Христовыхъ и строителей Тайнъ Божіихъ (*1 Кор. IV 1.*), наставниковъ, бдящихъ о душахъ вѣрующихъ и т. п.

ряеть¹⁾, что отъ тѣхъ, коихъ въ его время именовали епископами, въ времена апостольскія называли Апостолами. Такимъ образомъ Филиппійскимъ Апостоломъ былъ Епафродитъ, Критскимъ Титъ, Малоазійскимъ Тимофей. Св. Амвросій, изъясняя 1-е посланіе къ Галатамъ, говоритъ: „Павелъ называетъ себя Апостоломъ не отъ людей, но отъ І. Христа избраннымъ и посланнымъ на проповѣдь потому, что были и такіе, которые избирались апостолами, и посылались для утвержденія нерывей.“ Впрочемъ недолго за епископами оставалось высокое имя Апостола. По смерти блаженныхъ апостоловъ, пишетъ тотъ же отецъ Церкви, епископы, епископы, рукоположенные ими для управления Церквей, не могли равняться съ своими рукоположенными, такъ какъ не имѣли подобнаго имъ дара чудотвореній, и во многомъ другомъ были ниже ихъ, признали себя недостойными имени Апостоловъ. Почему раздѣлили названія такъ, что пресвитерамъ оставили имя пресвитерства, а тѣ, кои имѣли власть, рукополагать, наименовали себя епископами.²⁾ Имя Ангелъ Иларій, толкуя слова Апостола Павла: *должна женщина имѣть покрывало на голову въ знакъ власти надъ нею для Ангеловъ*³⁾, подъ Ангелами разумѣетъ епископовъ. Подобнымъ образомъ подъ седмью Ангелами, упоминаемыми въ

1) Comment. in 1 Tim. III. 1.

2) Biblioth. magn. Patr. t. VI p. 939 edit. Paris 1589.

3) 1 Кор. XI, 10 по Русск. перев.

Апокалипсисѣ св. Іоанна, многіе отцы Церкви¹⁾ понимаютъ епископовъ семи Малоазійскихъ церквей. Напрасно въ этихъ ангелахъ Оригенъ хочетъ видѣть небесныя силы.²⁾ Будучи сами по себѣ чистыми духами, особенно составляя звѣзды церкви³⁾, они не могли бы имѣть тѣхъ пятенъ, какія замѣтилъ въ нихъ держай семь звѣздъ въ десницѣ своей.⁴⁾

3. Имя *Первосвященника*. Поликарпъ, пятый или шестой епископъ Ефесскій, свидѣтельствуетъ⁵⁾, что св. Апостоль Іоаннъ во время своего епископства носилъ златую дщицу — одно изъ украшеній первосвященника древней Іудейской церкви. Досиоей, патриархъ Іерусалимскій, кромѣ Іоанна Богослова, тоже говоритъ и о Іаковѣ, братѣ Господнемъ. Итакъ, ежели епископы апостольскаго времени заимствовали одежды у іудейскаго первосвященника, то носили, безъ сомнѣнія, и ихъ названіе. Въ этомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія св. Игнатій Богоносець и Климентъ Римскій, Хорроши священники и служители слова, пишетъ первый изъ нихъ⁶⁾, но превосходитъ ихъ первосвященникъ. “Первосвященнику свое дано служеніе священникамъ свое назначено мѣсто, на левитовъ свои возложены должности, говорить второй.”⁷⁾

¹⁾ August. ep. CLVII, Eriph. Haeres. XXV set.

²⁾ Orig. hom. XX in Num.

³⁾ Апокал. I I, 20.

⁴⁾ Апок. II, III.

⁵⁾ Apud Evseb Hist. Eccles. LI. III.

⁶⁾ Ign. ep. ad. Philadelph.

⁷⁾ Clem. Rom. I ep. ad Corinth.

Лица, занимавшія вторую степень священства, въ вѣкѣ апостольскомъ, особенно подъ конецъ его, собственно назывались.

1. *Пресвитерами.* Св. Златоустъ говоритъ, что сначала для лицъ первой и второй степени священства имена были общія, а въ послѣдствіи времени они раздѣлены такъ, что послѣдніе стали называться пресвитерами, а первые епископами.¹⁾ Когда же сдѣлано разграниченіе? — въ вѣкѣ апостольскомъ. Свидѣтели тому мужи апостольскіе, особенно священно-мученикъ Игнатій, которые лица первой степени священства постоянно называютъ епископами, а второй — пресвитерами.

2. *Священниками.* Если епископы учреждены въ церкви Апостольской въ соотвѣтствіе древнимъ первосвященникамъ, и носили ихъ имя, то и пресвитеры, занимавшіе мѣсто Ветхозавѣтныхъ священниковъ, заимствовали и ихъ наименованія, какъ это видно изъ выше приведенныхъ мѣстъ Игнатія и Климента Римскаго. Имя священника освящено самимъ І. Христомъ, который, по словамъ Псалмопѣвца, повтореннымъ св. Апостоломъ Павломъ, есть *Церей во вѣкѣ по чину Мелхиседекову.*²⁾ Вообще имя это, такъ часто употребляемое Христіанскими писателями всѣхъ вѣковъ, не отъ инуда могло быть заимствовано, какъ изъ вѣка апостольскаго.

¹⁾ Homil. I in. Philipp.

²⁾ Евр. VII, 17.

Наконецъ лица третьей степени священства апостольскаго времени собственно именовались: а) 1. *Диаконами* въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Симъ именемъ названы первые диаконы, учрежденные апостолами въ церкви Иерусалимской¹⁾; этимъ же названіемъ св. Павелъ отдичаетъ отъ пресвитеровъ служебныя лица церкви Филиппійской²⁾; это же наименование употребляетъ тотъ же Апостолъ, когда опредѣляетъ качества и обязанности вообще лицъ третьей степени священной Иерархіи³⁾; подъ этимъ же наконецъ именемъ лица, составляющія третью степень церковной Иерархіи, встрѣчаются у всѣхъ мужей апостольскихъ, некоторые изъ коихъ имѣли случай говорить о нихъ.⁴⁾

2) *Левитами*. Бывъ учреждены по образцу древнихъ левитовъ, и имѣя многія общія съ ними обязанности и службы, Диаконы носили и имя ихъ. Въ этомъ увѣряютъ, кромѣ Климента Римскаго, Иеронимъ⁵⁾, Сальвианъ⁶⁾ и др. Имя это, исключительно усвоенное третьей степени Ветхозавѣтной Иерархіи, безъ сомнѣнія, принадлежало той же степени и въ Иерархіи Новозавѣтной.

Такимъ образомъ степени священства въ апостольской Церкви различались и тѣмъ, въ чемъ, по

1) Дѣян. VI.
2) Филип. I. 1.
3) 1 Тим. III, 8 и дал.
4) Подобное имя лицъ третьей степени священства встрѣчается у Игнатія ер. ad Trallian p. II.
5) Ер. XXVII.
6) Salvian. ad Eccles. Cathol L. 11. p. 394.

мнѣнію протестантовъ, онѣ совершенно смѣшива-
лись нѣкими именами. Впрочемъ нѣмнѣ извѣстныхъ лицъ
или вещей, то какъ даваемое болѣею частію про-
извольно, немного значить при различіи ихъ. По-
равно важнѣе то, что степени священства апо-
стольскаго времени различались между собою обя-
занностями и правами. Но одно изъ названій епископа
взвѣ. Обязанности и права, собственно принадлежав-
шія епископамъ апостольскаго времени и потому
(отличавшія ихъ отъ лицъ другихъ степеней свя-
щенства) были слѣдующія: 1) право совершать всѣ таинства и обряды и
лучить независимо, самостоятельно. Право это са-
мою собою вытекаетъ изъ уже изъясненнаго понятія, что
епископъ былъ въ полномъ смыслѣ священникъ, и
занималъ первую степень іерархіи. 2) Стоя на та-
комъ мѣстѣ онъ выше себя имѣлъ развѣ только
св. Апостоловъ и Архіерея Великаго, и прошедша-
го небеса — Ея Христа и, по выраженію св. Кипрі-
яна, отдавалъ отчетъ въ управленіи одному Богу. 3)
4) Право рукополагать въ іерархическіе степе-
ни. Такъ въ писаніяхъ Апостольскихъ находимъ,
что рукоположеніе или совершаютъ Апостолы — Е-
пископы²⁾ или дозволяютъ оно е. Тимоѳеямъ и Ти-
тамъ³⁾ епископамъ же.⁴⁾ Такъ въ правилахъ апо-
стольскихъ читаемъ⁴⁾: „Епископъ да посвящается

1) Сург. ер. 55 ad. Stephan.

2) Дѣян. XIV, 22., VI, 6. 2 Тим. I, 6.

3) I Тим. V, 22. Тим. I, 5.

4) Сав. I.

однимъ или двумя епископами, пресвітеръ — однимъ, также и діаконовъ. “ер., Что, кромѣ рукоположенія дѣлаетъ епископъ, спрашиваетъ Іеронимъ, чего не дѣлаетъ пресвітеръ? ¹⁾“ Св. Златоустъ тоже полагаетъ различіе между епископами и пресвитерами. ²⁾ Въ другомъ мѣстѣ ³⁾, епископство Тимоея доказываетъ онъ тѣмъ, что Апостоль Павелъ (1 Тим. V. 22) говоритъ о данной ему власти рукополагать въ іерархическія степени. Поэтому и подъ именемъ священства (1 Тим. IV 14), св. Златоустъ разумѣтъ ⁴⁾ сонмъ епископовъ, которые въ числѣ двухъ или трехъ, по правилу апостольскому, должны были рукополагать епископа. Согласно съ этимъ Епифаній пишетъ ⁵⁾: “ер., санъ епископскій существуетъ для рожденія отцевъ, а пресвитерскій не можетъ раждать отцевъ; ибо бабею паки бытія раждаетъ только дѣтей, а не отцевъ и учителей.“

3. Епископъ обязанъ былъ устроить церковь, т. е. не только поставлять всѣ чины церковныя, но и наблюдать за правильнымъ совершеніемъ священно-служеній, за чистотою вѣры и жизнеповеденія священно-служителей и всей своей паствы, а тѣхъ которые уклонялись отъ сего имѣлъ долгъ и право исправлять, наказывать и отлучать. ⁶⁾ Вла-

1) Ep. ad Evagr.

2) Hom. XI, in 1 ep. ad Timoth III.

3) 1 Hom. in Philipp.

4) Hom XIII, in 1 Timoth. IV 14.

5) Haeres. LXVI.

6) Пр. ап. 25, 60. слич. 28, 36.

сти епископа подлежали въ церковныхъ дѣлахъ и клирики и міряне; онъ былъ ихъ владыкою и судьей), давалъ паствѣ своей постановленія въ духѣ православної Церкви и наблюдалъ за исполненіемъ въ ней заповѣдей Божіихъ и церковныхъ. Епископу и на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ принадлежало право голоса и участія въ судѣ. Посему-то св. Игнатій Богоносецъ внушаетъ вѣрующимъ повиноваться епископу: „всеи да повиноуются епископу, яко же Христосъ Отцу.“²⁾ Самъ же епископъ не подлежалъ по церковнымъ дѣламъ суду не только мірянъ, но и клириковъ низшихъ степеней; онъ могъ быть судимъ только соборомъ епископовъ—верховнымъ судомъ Церкви.³⁾ Наконецъ епископъ, завѣдывая внутреннимъ устройствомъ церкви, завѣдывалъ и распоряжался и внѣшними ея принадлежностями до того, что даже церковныя имущества подлежали его вѣдѣнію и распоряженію и все пожертвованія мірянъ въ пользу церкви хранились у епископа и отдавались ему въ полное распоряженіе.⁴⁾

Обязанности и права пресвитеровъ не были самостоятельны, какъ у епископовъ, а налагались и уступались ими пресвитерамъ. „Вездѣ епископа, заповѣдуются въ правилахъ апостольскихъ, ни пресвитеру, ни діакону не дѣлать ничего, что ка-

1) Киприан. посл. 66. Пост. Ап. кн. 2 гл. 33.

2) Посл. Смирн. § 8.

3) Пр. апост.

4) Justin. apol. 1, 28, 88. Пр. ап. 38, 40, 41, 72, 73.

сается до церкви. "1) Правда, пресвитеры совершали таинства и прочие Богослужения, для чего и рукополагаемы были; но все это дѣлали только по соизволенію епископа, а „безъ епископа Богъ безъ его благословенія, не дѣтъ есть ни крестити, ни предложеніе творити, ни жертву проскомисати.“2) Равно „и все прочее служеніе могли пресвитеры исполнять не безъ воли епископа, но съ позволенія его.“3) Право же учить преимущественно принадлежало въ первенствующей церкви епископамъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ уступалось ими пресвитерамъ и то въ тѣхъ церквахъ, гдѣ не было епископа. Кромѣ сего пресвитеры принимали участіе въ управленіи церковно; но и это они дѣлали по назначенію епископа, а не по праву своего служенія.4) Епископъ употреблялъ ихъ для пристража за поведеніемъ христіанъ; отъ того-то св. Кипріанъ говоритъ, что пресвитеры были вмѣсто очей у епископа.5) Пресвитеромъ-соборъ, состоявшій изъ священниковъ, занимался по порученію епископа дѣлами духовнаго управленія.6) Церковныя имущества, по свидѣтельству св. Кипріана же также раздавались „отъ епископа руками пресвитеровъ.“7) Этотъ соборъ избранныхъ

1) Пр. ап. 40.

2) — — 47. 50.

3) — — 39.

4) Origen. trac. V. in Math.

5) S. Cyr. ep. Rad. Rogat.

6) Idem, ep. 3, 8. Игнат. Бог. къ Тралл. § 8.

7) S. Cyr. ep. 38.

епископомъ священниковъ, въ случаѣ его отсутствія, до его возвращенія, и въ случаѣ смерти или перемѣненія, до назначенія новаго епископа управлялы всюю паствою. 1)

Наконецъ діаконъ, допускаемы были то же властью епископовъ къ служенію при совершеніи богослуженій и таинствъ и имѣли обязанностію своею разноситъ по домамъ для больныхъ св. Евхаристію и раздавать бѣднымъ церковныя имущества, по распоряженію епископовъ. 2) Диаконъ былъ какъ бы „рука престоителей“ посредствомъ которыхъ совершались церковныя дѣла. 3) Только въ поученіи народа они не принимали участія, исключая особенныхъ случаевъ, указанныхъ въ Двѣнаихъ апостольскихъ, гдѣ говорится о проповѣди св. перводіаконовъ Стефана и Филиппа.

Такимъ образомъ изъ свидѣтельствъ священнаго Писанія и апостольскихъ мужей открывається, что въ первенствующей, такъ называемой апостольской Церкви были только три іерархическія степени: епископа, пресвитера и діакона и что эти степени разнились не только по именамъ, но особенно по правамъ и обязанностямъ своимъ. Епископу принадлежала главная власть въ церкви. Имъ рукополагались пресвитеры и діаконъ и получали отъ него благословеніе на совершеніе богослуженій и участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Со-

1) Id. ep. 55.

2) Игнат. Бог. 2 къ Магnez. § 13.

3) S. Cyprian ep. 49 de lapsae.

служба ему они подчинялись ему же во всѣхъ отношеніяхъ. Подчинялись ему и міряне, — значитъ вся церковь въ дѣлахъ подлежащихъ церковному управленію. Діаконы менѣе имѣли правъ и обязанностей чѣмъ пресвитеры и ограниченнѣе кругъ дѣйствій. Сравнивая это состояніе церковной іерархіи въ апостольской Церкви, изображенное намъ очевидными его Богомудрыми апостольскими мужами, съ нынѣшнимъ состояніемъ іерархіи въ православной нашей Церкви, нельзя не порадоваться тому, что и въ теперешнемъ чинѣ и устройствѣ іерархіи нашей Церкви мы видимъ тѣ же самыя три священныя степени: епископство, пресвитерство и діаконство, и что каждая изъ этихъ степеней отъ времени апостольскихъ и доселѣ дѣйствуетъ въ православной Церкви въ предѣлахъ тѣхъ правъ и обязанностей, какими они уполномочены церковію въ образцовый для Христіанства вѣкъ Апостольскій.

Вечеръ наканунѣ Великаго Поста.

Вечеромъ 26 Февраля, по заведенному Владыкою нашимъ порядку, полтавское духовенство собралось въ домовую Его Преосвященства церковь проститься на постъ съ своимъ Архипастыремъ и испросить благословенія на подвигъ покаянія и молитвы.

На этотъ разъ, по окончаніи вечерняго Бого-

служенія; Архипастырь предложилъ въ назиданіе слово, которое произвело самое сильное вліяніе на воѣхъ слушателей и, относясь ко всемъ, близко относилось и къ намъ духовнымъ. Последнее обстоятельство побудило насъ подѣлиться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвело на насъ слово Архипастыря. Рѣшаемся передать содержаніе его, конечно не буквальное, и сравнительно короткое, но по возможности близкое къ подлинному. Завтра св. Церковь празднуетъ, а нынѣ, на вечернемъ Богослуженіи, предназначаетъ праздновать память преподобнаго Тита, пресвитера Печерскаго. Сей св. угодникъ оживя въ Кіево-Печерской Лаврѣ, питалъ самую искреннюю любовь къ діакону Евагрію. Дружбѣ ихъ дивилась вся братія, но врагъ душъ человѣческихъ, Псѣющій плевелы посреди пшеницы, врагъ любви и согласія, посѣялъ и между ними самую непримиримую вражду, такъ что одинъ другому не могли смотрѣть въ глаза и, когда одинъ шелъ по церкви св. Фиміаномъ, другой уходилъ, или отварачивался. Предстоя вмѣстѣ престолу Господню и причащаясь Тѣла и Крови Спасителя, они не оставались примиренными. Премилосердый же Господь, не хотая смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему, для вразумленія враждующихъ, посѣтилъ Тита пресвитера тяжкою болѣзнію. Находясь въ предсмертныхъ страданіяхъ, Титъ горько плакалъ о своемъ грѣхѣ и послалъ къ діакону Евагрію съ сими словами: «проси и благослови меня, брате, за то, что я такъ оскорбилъ тебя». Но Евагрій не толь-

ко не простилъ его, но еще больше ожесточился. Тогда братія, видя Тита умирающимъ, силою привели къ нему Евагрія, умоляя его проститься съ братомъ. Умирающій, видя предъ собою враждующаго, налъ съ смертнаго одра своего къ ногамъ Евагрія и съ слезами произнесъ: прости меня отче и благослови. Но и въ эти трогательныя минуты мольба умирающаго не смягчила ожесточеннаго сёрдца Евагріева. Отвернувшись отъ умирающаго онъ сказалъ: никогда не хочу имѣть съ нимъ прошенія — ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Едва произнесъ онъ сіи слова, какъ весь затрясся и налъ бездыханевъ; глаза и ротъ его были открыты, руки разбросаны; умирающій же Титъ въ ту самую минуту возсталъ совершенно здоровымъ, какъ бы никогда и не болѣлъ. Пораженная столь страшнымъ случаемъ братія спрашивала исцѣлѣвшаго: что все это значилъ? Титъ отвѣчалъ: когда я такъ болѣлъ еще не примиренный съ братомъ моимъ, видѣлъ я ангеловъ добрыхъ, отступающихъ отъ меня и плачущихъ о погибели моей и ангеловъ злыхъ, радующихся нашей враждѣ; въ слѣдствіе чего я просилъ васъ испросить мнѣ прошеніе у враждующаго со мною. Когда же вы привели его ко мнѣ и я поклонился ему, онъ же отворотился, видѣлъ я одного ангела немилостиваго, держащаго огненное копіе, которымъ онъ ударилъ брата Евагрія и онъ налъ мертвъ; тотъ же ангелъ подалъ мнѣ руку и вотъ я возсталъ и здоровъ. Наученная такимъ примѣромъ братія всѣми силами стала беречься отъ гнѣва и прощать другъ

другу обиды. Какой изъ сказаннаго мною, продолжалъ Архипастырь, слѣдуетъ выводъ, понятно для каждого! Прибавлю къ этому, когда въ бытность мою въ Кіево-Печерской Лаврѣ, сопровождая однажды по св. пещерамъ одно благочестивое семейство — мужа и жену, подвелъ я ихъ къ гробницѣ Тита Пресвитера и послѣ поклоненія предодобному указалъ имъ надъ гробницею и икону, на которой предодобный Титъ изображенъ встающимъ отъ болѣзненнаго одра при помощи Божія ангела, а несчастный Евагріи лежитъ у ногъ его сраженный пламеннымъ копьемъ того же ангела, то благочестивые поклонники съ живостию сказали другъ другу: эту икону Святаго хорошо бы послать намъ — нашему свѣщеннику и діакону. Я спросилъ ихъ: развѣ они дурно живутъ между собою? и мнѣ отвѣчали — да. На этихъ словахъ Архипастырь остановился.

Затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ о важности предстоящихъ дней, о необходимости примиренія всѣмъ, а въ особенности намъ духовнымъ отцамъ, обязаннымъ служить для другихъ примѣромъ — словомъ и житіемъ и имѣющимъ дать строгій отчетъ за свое служеніе, Архипастырь произнесъ: отцы и братія! простите и благословите и меня грѣшнаго и съ этими словами поклонился всѣмъ предстоящимъ до земли. При этомъ у многихъ навернулись слезы, начали прощаться съ Архипастыремъ духовенство, потомъ міряне. Зрѣлище было умилительное, минуты единственныя въ жизни, мы чувствовали тогда всю сладость мира и любви,

всю грусть, всю скорбь и волью души, оплакивающей всё наши недобрыя отношенія и не христіанскія чувства. Слово Архипастыря было для насъ живъ и дѣйственно, мы желали тогда, чтобы слышала его вся паства; образъ Тита—пресвитера и Евагрія, діакона неотразимо носился предъ нами и глубоко напечатлѣлся въ нашей душѣ. Намъ во всемъ ужасѣ представилась тогда кара Божія, вразумляющая враждующихъ, страшно наказывающая нераскаянныхъ и ожесточенныхъ, необъяснимый трепетъ обьялъ душу. Тревожная мысль остановилась на тѣхъ грустныхъ отношеніяхъ, какія часто бываютъ между духовною братіею и какъ камнемъ стала гнетить душу: мы перебирали мысленно причины несогласій и средство къ ихъ устраненію. Истомившись духомъ, мы стали просить Господа да сохранитъ Онъ насъ отъ всякой вражды, какъ Богъ мира и любви. Затѣмъ, съ чувствомъ глубокой признательности къ Архипастырю за назиданіе, вышли изъ храма.

Свящ. Петръ Мазановъ.

3-го Марта 1867 г.

АЛЛИЛУА!

НАДГРОБНЫЯ ПѢСНИ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ СВЯЩЕННИКОВЪ.

(переводъ съ славянскаго)

посвящается

ПАМЯТИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА

ВЪГНІЯ

(† 23 февраля 1837 года).

Единъ безсмертенъ только Ты,
Творецъ, Податель жизни людямъ,
А мы—изъ праха созданы
И горстью праха снова будемъ:
Такъ Ты вельбъ, Создатель мой!
И вотъ глаголь могучій Твой
Въ нѣмомъ смиреніи я внемлю:
«Земля еси—и снидешъ въ землю».
И всѣ мы, други, будемъ тамъ.....
Настанетъ день,—и не минуя
Надгробное рыданье намъ
Сольется съ пѣснью: аллилуа!

II.

О, братья! горьче всѣхъ рѣчей
И выше всякаго страданья
Рѣчь умирающихъ людей

Среди послѣдняго прощанья :

«Вотъ, братья, съ вами разлучаюсь,

«Вотъ оставляю васъ, друзья:

«Навѣвъ прощайте: удаляюсь—

«Куда иду?—не знаю я;

«Кого въ пути я повстрѣчаю,

«Или что будетъ тамъ со мной:

«Не знаю, братія, не знаю;

«Но знаетъ Онъ, Создатель мой!

«И вотъ на зовъ Его иду я....

«А васъ, и плача и скорбя,

«Молю я—вспомните меня,

«Когда поете: аллилуія!»

III.

Друзья, безмолвуйте въ сей часъ,

Въ тиши безмолвуйте глубоко;

Да окуетъ молчанье васъ

Передъ лежащимъ одиноко.

Смотрите: тайна настаетъ

Послѣдній, страшный часъ идетъ.

Молчанье, братья! пусть въ него!

Душа покинетъ все земное!

Великимъ подвигомъ полна,

Со многимъ страхомъ и тоскуя

Свою кончину зреть она

И молить Бога: аллилуія!

IV.

Я видѣлъ разъ—дита кончалось,

Я видѣлъ скорбную семью:

Во мнѣ все сердце вволновалось,

И я оплакалъ жизнь свою.

Оно металося въ смѣтеньи,
И трепетало предъ семьей,
И завопило всей душой
Въ свое послѣднее мгновенье:
«О, помоги же мнѣ, отецъ,
«О, мать! о, мать! спаси, помилуй!»
Въ нихъ сердце рвется наконецъ,
Но какъ помочь! какою силой!...
Одно осталось только имъ
Смотрѣть, томиться..... и горюя,
Рыдать надъ гробомъ дорогимъ,
При звукахъ пѣсни: аллилуя!
У...
О, обольетесь слезами
Вотъ распростертый передъ нами
Лежить во гробѣ мидый прахъ.....
Пойдемъ-те, братія, въ слезахъ,
И цѣловать его прощально,
И приговаривать печально:
«Вотъ, ты и близкихъ ли друзей
Навѣкъ покинулъ въ тяжелой долѣ,
Не говоришь ужъ съ нами о болѣ,
А мы такъждемъ своихъ рвней
О, другъ! о, другъ! зачѣмъ не упрости
Смежилъ и очи и уста?
О, подѣлись своею думой,
Такъ какъ бывало иногда,
Ноги, ни просьбы, ни слезъ не мучай,
Побой тайственный хранишь
И даже въ этотъ ямъкъ молчишь,
Когда поемъ мы: аллилуя!»

Вотъ онъ лежитъ, собратъ нашъ милый,
Но онъ — не нашъ уже, увы!
Умолкъ языкъ его унылый,
Уста сомкнулись для молвы...
Но наше сердце чувствуетъ, знаетъ,
Что намъ душа его вѣщаетъ:
«Привѣтъ изъ гроба вамъ, друзья!
«Привѣтъ тебѣ, моя семья!
«О, заклинаю васъ — покайтесь!
«Друзья и братія, спасайтесь,
«Спасайтесь, ближніе мои...
«А я, безъ дружбы и любви,
«Иду въ свой путь... У одинь... сплшу я,
«Но къ вамъ взываю въ тишинѣ:
«Вспоминайте обо мнѣ,
«Когда поете: аллилуя!»

УІІ.

Куда-жь, о, души намъ родныя,
Куда стремитесь вы отъ насъ?
Гдѣ пребываете? какія
Дѣла и думы тамъ у васъ?
О, какъ-бы намъ, какою силой
Про васъ хоть что-либо узнать!
Но тайны жизни замогилдой
Никто не властенъ разгадать!
Скажите: помните ли насъ?
И вспоминаете ли насъ?
Какъ мы здѣсь бываемъ — по цѣлымъ днямъ,
Съ рыданьемъ сердца, съ мукой и боли?
Иль вы забыли оужь совсѣмъ,
Какъ мы здѣсь плачемъ и тоскуемъ?

Вамъ звуки пѣсни вопіемъ—

Надгробной пѣсни—аллилуія?.....

УШ.

Друзья! умершихъ провожайте

И доходите до могиль,

И тамъ усердно наблюдайте,

Чтобъ путь во благо вамъ служилъ.

Смотрите—все тамъ, все пропало:

Истлѣли всякіе года,

Могучей силы нѣтъ слѣда,

Цвѣтущей юности не стало!.....

Тамъ—пыль и прахъ; тамъ червь земной

Одинъ свирѣпствуетъ пируя;

Молчанье вѣчно, покой;

Никто не молвить: аллилуія!

IX.

О, если, странствуя въ пути

И посѣщая край за краемъ,

Чтобъ провожатаго найти,

Мы всѣ заботы прилагаемъ;

То что же дѣлать намъ съ собой

Въ послѣдній день необычайный,

Когда и путь для насъ—нѣмой,

И самый край—глубоко-тайный?....

О, сколько нужно для него

Путеводителей намъ вѣрныхъ!

О, сколько болѣе того

Молитвъ-молитвъ, молитвъ усердныхъ,

Чтобъ силой ихъ себя врачуя,

Намъ душу бѣдную спасти,

Ее къ Спасителю вести

И тамъ воскликнуть: аллилуія!

X.

Не разбираетъ смерть людей
И какъ внезапно многихъ косить :
То вдругъ малюточекъ дѣтей
Отъ груди матери уносить;
То два любимыя сердца
Почти отъ брачнаго вѣнца
Ведетъ къ могилѣ вѣковѣчной
И плачь подъемлетъ безконечный ;
То мирно спящихъ на одрѣ
Влечетъ въ подземныя утробы.....
Ничто непрочна на землѣ:
Тутъ вмѣстѣ бракъ, и вмѣстѣ гробы,
Тамъ связи радостей, улачь,
Вдругъ смерть ихъ рушитъ торжествуя;
И—вмѣстѣ смѣхъ, и вмѣстѣ плачь,
И тутъ-же вмѣстѣ: Халлилуia!

XI.

Зачѣмъ-же попусту мятется
Твоя душа, о человекъ?
Одинъ вѣкъ часть — и все минется,
Какъ будто не было во вѣкъ!
А въ адѣ нѣтъ ужъ покаянья,
Тамъ нѣтъ пощады нѣтъ друзей;
Тамъ вѣчны дюты терзанья
Неусыпающихъ червей;
Тамъ всюду тьма и помраченье,
Тамъ плачь и скрежетъ, визгъ и стонъ:
Туда-то буду на мученья
И я на вѣки осужденъ,
Послѣднихъ дней не памятуя,
Я беззаботенъ былъ всегда.

И не давалъ себѣ труда
Взывать почаще: аллилуя!....

XII.

Но если миловалъ ты въ жизни
Своихъ собратій, мой собратъ!

И ты найдешь въ святой отчизнѣ

Благую милость во сто кратъ!

И если лаской, состраданьемъ

Утѣшилъ долю сироты:

И ты предъ строгимъ испытаньемъ

Избавлень будешь отъ нужды.

О, не останется тамъ всеу

Одежда нищему твоя:

Она покроетъ тамъ тебя,

И ты воскликнешь: аллилуя!

XIII.

Когда на сердце намъ повѣсть

Благая вѣсть о небесахъ, —

Святымъ восторгомъ пламенѣть

Душа, поверженная въ прахъ:

Тамъ дивный свѣтъ сияетъ вѣчно,

Тамъ ясной жизни полнога,

Тамъ наслажденъе бесконечно,

Тамъ рай и миръ и красота,

Тамъ Богъ, всѣхъ радостей начало.

О, братія! отъ вѣсти сей

И сердце праведныхъ людей

Чистѣйшей радостью играло!

Возлюбимъ Господа: и мы

Сойдемся всѣ тамъ, и ликуя

Сольемъ сердца свои, умы

Въ единомъ звукѣ: аллилуя!

XIV.

О, Дѣва Чистая, Святая
И Матерь Свѣта! предъ Тобой
Во умиленіи вzywалъ,
Прошу, молюся всей душой:
Продли, продли Твои моленья,
Продли ихъ къ Сыну Твоему
О мирѣ, милости, прощеньи
Рабу усопшему сему!
Да по Твоей молитвѣ чудной,
Надежда общая вѣковъ,
Онъ встрѣтитъ милости въ день судный
И оставленіе грѣховъ!
Ты, Сыну въ кротости ревную,
Всегда, Владычице, предъ Нимъ
Со дерзновеніемъ благимъ
Молиться можешь: аллилуіа!

С. Пономаревъ.

Содержаніе: I. Слово въ недѣлю о мытарѣ и фарисеи. II. О степеняхъ священства въ Апостольской Церкви. (Окончаніе.) III. Вечеръ наканунѣ великаго поста. IV. Аллилуіа. Надгробныя иѣси припогребеній священниковъ. (Стихотвореніе.)

Редакторъ Прот. Н. Думишрашко.

Печ. дозволяется 1867 г. Марта 15 дня. Цензоръ Пр. Катриковъ.

Полтава. Въ типографіи бр. Н. и П. Пигуренко.

